

СДЕЛКА С МОРЕМ

ТАЛИ МОВ

Тали Мов

Сделка с морем

<https://litres.ru/74583637>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сделка с морем. Цена — жизнь. Выбор — любовь.

Рея вернулась из мёртвых как русалка, чтобы отомстить. Но встреча с капитаном Уильямом заставляет её усомниться: а что, если месть — не единственный путь? Пока древний морской дьявол ждёт исполнения условий сделки, Рея балансирует между двумя мирами и двумя чувствами: ненавистью к тому, кто её предал, и тягой к тому, кто впервые увидел в ней не чудовище, а девушку.

Мрачное романтическое фэнтези о цене выбора, силе прощения и о том, что даже самое глубокое море не может заглушить голос сердца.»

Содержание

Глава 1. Яблоко и море.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Тали Мов

Сделка с морем

Глава 1. Яблоко и море.

Сент-Мари просыпался рано.

Ещё до того как солнце переваливало через горы, порт уже жил: скрипели ворота складов, лязгали цепи на причалах, первые рыбаки спускали лодки на воду, и волны принимали их с привычным плеском, как принимают старых знакомых. Пахло солью, рыбой, смолой и чем-то ещё, чему нет названия — запахом, который бывает только там, где земля кончается и начинается море.

Рея любила этот час, когда мир ещё не решил, быть ему шумным или тихим. Когда вода гладкая, как стекло, и в ней отражается небо так точно, что не понимаешь, где верх, а где низ. Она сидела на камне у причала, болтая босыми ногами в воде, и чувствовала, как утро входит в неё: сначала ногами, потом руками, потом всем телом. Море было тёплым. Всегда тёплым. Даже когда воздух обжигал холодом, вода держала тепло, как мать держит ребёнка.

Ей было семь.

Аврам нашёл её на этом берегу. Она знала это не пото-

му, что помнила, а потому, что ей рассказали. Не Аврам, он не рассказывал. Соседки, торговки, рыбаки, те, кто помнил. «Шторм был страшный. Корабль утонул недалеко от мыса. Никто не выжил. Только двое: ты и мальчишка. Тебя волна выбросила в гнездо из водорослей. Аврам шёл вдоль берега, искал тела. Нашёл тебя. Ты кричала. Он забрал».

Рея не помнила шторма. Не помнила криков. Помнила только воду, как будто родилась не на берегу, а в ней. Как будто первое, что увидела, был не свет, а глубина.

— Рея! — голос с холма. Аврам. Тихий, но слышно на всю бухту. — Завтрак.

Рея не двинулась. Болтала ногами. Вода шевелилась, и ей казалось, что шевелится что-то в ответ. Не течение, нет, что-то осознанное. Словно кто-то под водой смотрел на её пальцы и ждал.

— Мирея!

— Иду!

Она спрыгнула с камня и побежала вверх по тропе, к дому, который пах смолой и дымом. Аврам стоял у двери, вытирая руки о полотенце. Седые волосы собраны в короткий хвост. Шрам над бровью — тёмный, старый, давно не болевший. Глаза серые, тяжёлые, с той тишиной, которая бывает у людей, сделавших что-то страшное и научившихся с этим жить. Рея не знала, что именно. Не знала и не спрашивала. Аврам не рассказывал, а Рея не умела лезть туда, куда не просят.

— Ешь, — сказал он. Положил перед ней лепёшку, размазал по ней мёд. — И не бегай к воде натошак. Сначала еда.
— Я не бегала. Я сидела.
— Сидела в воде. Это одно и то же.

Рея откусила лепёшку. Тёплая, с хрустящей коркой, с мёдом, который тёк по пальцам. Аврам пёк каждое утро без исключения, словно это был ритуал. Словно если не испечёт, что-то случится. Рея не понимала, но ела. Ела и была благодарна.

Аврам сел напротив. Пил чай: чёрный, горький, такой крепкий, что у Реи сводило скулы от запаха. Смотрел на неё поверх кружки и молчал. Аврам всегда молчал за завтраком, не угрюмо, а сосредоточенно, словно решал что-то, словно выбирал, что сказать, а что оставить внутри.

— Сегодня на склад, — сказал он наконец. — Поможешь перебрать груз. Приходят два корабля к вечеру.

— Хорошо, — кивнула Рея. — А потом можно к скалам?

— Зачем к скалам?

— Плавать.

Аврам помолчал. Долго. Кружка в руках замерла. Пальцы побелели на глине. Он сжал её настолько крепко, что потом всё же отпустил.

— Рея, — сказал он, и голос стал другим, словно каждое слово тянуло его вниз. — Я уже однажды не уберёг то, что мне дорого. Не заставляй меня делать это снова.

Рея подняла глаза. Аврам смотрел на неё, и в его серых

глазах было что-то, чего она не понимала. Страх. Старый, привычный, вросший в кости. Не за себя, а за неё.

— Я буду осторожна, — сказала она тихо.

— Будь не осторожна. Будь послушной.

Рея не ответила. Доела лепёшку, облизала пальцы, вышла. На крыльце обернулась. Аврам стоял у стола, спиной к ней, и не двигался, словно нёс что-то на плечах — тяжёлое, невидимое.

Жозеф ждал у причала.

Всегда у причала. Если Рея шла к воде, он был там. Если Рея шла к скалам, Жозеф был там. Если Рея шла на склад, мальчик был у двери: ждал, сидел на ящиках, бросал камешки в воду и делал вид, что ему скучно. Но не уходил. Никогда не уходил.

Они познакомились в шесть лет. Жозеф украл у неё яблоко. Рея ударила его в нос. Жозеф заплакал. Рея пожалела и разделила яблоко пополам. С тех пор они были неразлучны.

Он был на год старше. Худой, жилистый, загорелый, с чёрными волосами, которые вечно лезли в глаза. Лицо острое, скуластое, с тонкими губами, которые чаще были сжаты, чем расслаблены. Глаза карие, такие тёмные и глубокие, как вода в бухте ночью. Рея думала, что в них тепло.

Его воспитала дальняя родственница, тётка, которая держала харчевню на улице за складами. Не мать — родственница. Не любила, а терпела. Кормила, пока Жозеф работал. Выгнала в четырнадцать. Он не рассказывал, но Рея знала по

обрывкам: спал на причале, ел что поймают, дрался с мальчишками за место под навесом. Аврам подкармливал его тихо и без разговоров: приносил лепёшки и оставлял на ящике. Жозеф брал не глядя как гордая, злая, голодная уличная кошка.

— Пошли к маяку, — сказал Жозеф, не вставая с ящика. Бросил камешек. Всплеск. — Там сегодня медузы. Куча.

— Надо на склад. Отец сказал.

— Аврам всегда говорит «на склад», — мальчик сплюнул в воду. — Пошли. Склад никуда не денется.

Рея засмеялась. Жозеф вскочил, и они побежали вдоль причала, мимо рыбаков, мимо складов, мимо всего порта, к мысу, где маяк стоял белый с красной полосой и смотрел в море, как сторож, который не спит.

Они бежали, и ветер бил в лицо, и солнце грело спины, и Рея чувствовала: мир огромный, полный, живой. И в нём есть место для неё. Для них. Для двоих, которые бегут к маяку и не оглядываются.

Годы шли, как приливы: накатывали, отступали, оставляли на берегу то, что не успевали забрать. Рея росла. Жозеф рос. Между ними что-то менялось, медленно, как меняется линия берега: не видно сразу, но однажды замечаешь, что песок стал другим, а камни сдвинулись.

В десять Жозеф стал называть её «моя». Не «моя Рея», а просто «моя». Мимоходом, небрежно, словно так и надо. «Где моя?» — спрашивал, когда не находил её на причале.

Рея краснела. Прятала лицо. Но внутри было тепло, такое маленькое, тихое, как уголёк под золой. «Моя».

В двенадцать Жозеф стал ловить для неё рыбу. Не просто ловить, но и приносить. Каждое утро, к завтраку. Аврам пёк лепёшки, Жозеф приносил рыбу. Рея ела и то, и другое, и думала: вот так и должно быть. Всегда. Лепёшки, рыба, завтрак, море. Жозеф рядом. Аврам рядом. Ничего больше не нужно.

В четырнадцать они первый раз прикоснулись. Не нарочно. На лодке, когда Жозеф греб, а Рея сидела на носу. Волна качнула, Рея покачнулась, Жозеф протянул руку и удержал. Пальцы на её плече. Всего секунда. Но оба замерли. И в эту секунду что-то щёлкнуло, как замок, который открывают впервые. Он отдёрнул руку, а Рея отвернулась. Оба молчали, но оба все понимали.

В пятнадцать — поцелуй. Первый. На берегу, за маяком, где скалы прятали их от порта. Ночь. Звёзды. Шум прибоя. Жозеф смотрел на неё долго, молча, и в его карих глазах было что-то, чего Рея не видела раньше: нежность. Тонкая, неловкая, как у мальчишки, который не умеет быть мягким, но пытается.

— Рея, — сказал он.

— Что?

— Ничего.

И поцеловал. Осторожно. Несмело. Как трогают то, что может рассыпаться. Рея ответила. И мир, который был

огромным, стал маленьким — поместился в одни губы.

Потом они сидели на скалах, плечо к плечу, молча. Жозеф держал её за руку. Пальцы переплетены. Рея смотрела на звёзды и думала: вот так и должно быть. Всегда. Он и я. Я и он. Море и мы.

А Аврам все видел.

Видел и молчал. Молчал и тяжелел. С каждым месяцем, с каждой тайной встречей, с каждым взглядом, который Рея бросала на парня, Аврам тяжелел, словно что-то ложилось ему на плечи и он не мог это поставить.

Запрет пришёл в шестнадцать.

Рея пришла домой поздно, с закатом. От неё пахло солью и им. Аврам стоял у двери. Свет фонаря падал на лицо, и шрам над бровью казался глубже. Глаза серые, тяжёлые и без улыбки.

— Где была?

— У маяка.

— С ним?

Рея не ответила. Не потому что боялась, а потому что знала: ответ не важен. Аврам знает.

— Больше не уходи, — сказал он. Голос ровный, но в нём сталь, та, которая звенит, когда всё остальное молчит. — Не с ним. Не ночью. Не к воде.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Это не причина.

— Это единственная причина, которую ты получишь.

Рея хотела кричать. Хотела сказать: «Он мой! Ты не можешь запрещать мне его!» Но не кричала, потому что видела: Аврам не злится. Аврам боится. И от этого было ещё страшнее.

— Это не просьба, — добавил он. — Это запрет.

Слово упало, как якорь. Запрет. Не «пожалуйста, будь осторожна». Не «я волнуюсь». Запрет. Как будто Аврам видел что-то, чего не видела она. Словно знал, что за поворотом — обрыв, и пытался удержать её за край одежды.

Рея кивнула. Легла на кровать, но не спала. Смотрела в потолок и думала: почему? Почему запрет? Почему «не с ним»? Что Аврам знает?

За стеной Аврам тоже не спал. Тихо ходил по кухне, а шаги как удары. Словно нёс что-то и не мог поставить.

Они не послушались.

Конечно, не послушались. Рея и Жозеф не умели слушаться. Они не бунтовали, просто не верили, что правила существуют для них. Правила для тех, кто не умеет плавать. Для тех, кто боится высоты. Для тех, кто не прыгает со скал в воду и не убегает ночью к маяку. Но не для них.

Ночью, когда Аврам спал, Рея выходила через заднюю дверь, босиком, по тропе, к причалу. Жозеф ждал с лодкой: маленькой, рыбацкой, старой, чужой, которую брали без спроса и возвращали к утру.

Плыли в бухту. Туда, где темно, где звёзды отражаются в

воде и кажется, что плывёшь не по мору, а по небу. Лежали на спинах и смотрели вверх. Молчали. Или говорили тихо, шёпотом, словно кто-то мог услышать.

— Рея, — говорил Жозеф. — Ты когда-нибудь думала уехать?

— Куда?

— Неважно. Просто уехать. Сент-Мари маленький. Порт, склады, маяк. Весь мир — больше.

— Зачем мне мир, если ты здесь?

Жозеф молчал. Долго. Потом говорил:

— Глупая.

И целовал. В темноте, на воде, под звёздами. И Рея думала: вот так и должно быть. Всегда. Он и я. Лодка. Море. Ночь. Что может быть лучше?

Она не знала, что Жозеф думал не так. Не знала, что он ходил по Сент-Мари с тяжестью, которая легла на него два месяца назад. Не знала, что в сундуке у тётки, которая выгнала его, лежали бумаги. Старые, жёлтые, с печатями. Документы о корабле «Аврамова Звезда». О рейсе, в котором погибли сорок два человека. О капитане, который потопил пассажирское судно по приказу французской короны. Среди погибших — Жозеф-старший и Мария Дюваль. Среди выживших — мальчик трёх лет и безымянный младенец женского пола.

Тогда ему было шестнадцать. Два месяца он жил с этим знанием. Два месяца пытался ненавидеть Аврама, и это по-

лучалось. Ведь он был убийцей. Он потопил корабль. В конце концов *убил его родителей*. Это было просто. Ненавидеть — просто.

Но Рею не мог.

Рея была дочерью Аврама. Но также она была его. Она была всем. И Жозеф стоял на развилке: любовь в одну сторону, месть — в другую. Две дороги. Обе правильные. Обе невозможные.

Он выбрал.

Месть была проще. Месть давала цель. Месть давала направление. Месть -- это сталь, хват, действие. А любовь... любовь была уязвимостью. Любовь была тем, что можно отнять. То, что уже отнимали. Парень знал: если выберет любовь, Аврам останется жив, а он убийца его мать. И если Жозеф простит, мать останется не отомщённой. Он не мог, не мог простить. Не потому что не хотел, потому что не умел. Не умел чинить. Умел только ломать.

Два месяца. Каждый вечер — с Реей. Каждое утро — с ненавистью. Любовь и месть в одном теле, в одном сердце, и обе горели. Юноша знал: рано или поздно одна сожжёт другую.

Ночь. Лодка. Луна.

Рея помнит всё. Каждую деталь. Потому что потом это всё, что осталось. Память. Та, которая не тает.

Ночь была тёплая и безветренная. Море — гладкое, как чёрное стекло. Луна полная, тяжёлая, низкая. Она отража-

лась в воде, и получалось две луны: одна на небе, другая — в море. Рея смотрела на обе и думала: «Я, любимый человек и море. Что может быть лучше?», вновь эти же мысли.

Жозеф грёб. Медленно и ровно. Всплеск. Всплеск. Всплеск. Как сердце. Рея лежала на спине, смотрела на звёзды, и волосы её плыли по воде, как водоросли. Чёрные на чёрном не видно. Только когда луна касалась их, проступало серебро.

— Красиво, — сказала Рея. Не про что-то конкретное. Про всё.

Возлюбленный не ответил. Грёб и молчал, а девушка не замечала. Не замечала, что молчание было другим, не тем, что всегда. Не тёплым, не привычным. Другим. Тяжёлым и густым. Словно он набрал в грудь воздух и не выпускал.

— Жозеф?

— М?

— Ты тихий.

— Думаю.

— О чём?

Жозеф остановился. Весла замерли, как и лодка. Стало тихо. Абсолютно. Только вода. Только луна. Только двое.

— Рея, — сказал Жозеф. Голос не его. Не тот, что всегда. Другой. Тяжелее. Словно из глубины. — Я должен тебе сказать.

— Что?

— Про Аврама.

Рея поднялась. Села. Посмотрела на него. Лунный свет падал на лицо — острое, скуластое, с тонкими губами. Глаза карие. Тёмные. И в них — не тепло. Не нежность. Что-то другое. Что-то, что она видела впервые.

— Что про Аврама?

Жозеф молчал. Долго. Секунды. Минуты. Вода плескала о борт. Луна смотрела. И в тишине Рея почувствовала: что-то надвигается. Что-то, чего нельзя остановить. Как шторм, который видишь с берега далеко, но уже чувствуешь, как ветер меняется.

— Он убил моих родителей, — сказал Жозеф. Каждое слово было как камень, который он нёс и наконец положил. — «Аврамова Звезда». Корсарское судно. Напало на пассажирский корабль. Сорок два человека. Мой отец. Моя мать. Я был на борту. Мне было три. Но помню я только воду и крик.

Рея смотрела на него. На его лицо. На его руки, которые сжимали весла так, что костяшки побелели. На его глаза, в которых была не боль, а холод — тёмный, глубокий, как вода в бухте ночью.

— Аврам — пират, — продолжал Жозеф. — Был. Грабил корабли по приказу французской короны. Патент на каперство — официальное разрешение действовать против судов противника в рамках войны. Он напал на корабль, на котором плыли мои родители. И твоя мать.

— Моя мать умерла, когда я родилась, — сказала Рея, но

ГОЛОС ХОЛОДНЫЙ, КАК ВОДА.

— Нет, твоя мать была на том корабле. Селена. Она была...
— Он замолчал и сжал зубы. — Неважно. Она была на борту. Аврам потопил корабль, и она утонула. Но ты выжила, а он забрал тебя из совести. Или из страха. Не знаю.

Девушка не двигалась. Не дышала. Сидела в лодке, на чёрной воде, под луной, и мир — тот мир, в котором она выросла, в котором были лепёшки, маяк, скалы, Аврам, Жозеф, треснул. Как стекло, в которое ударили. Не разбился, но треснул. И трещина побежала быстро, тихо, от центра к краям.

— Неправда, — сказала она. Не потому что не верила, а потому что не могла. Не могла поверить. Аврам. Аврам, который пёк лепёшки. Аврам, который учил узлам. Аврам, который говорил «ешь» и «я уже однажды не уберёг». Аврам — пират. Убийца. Тот, кто убил родителей Жозефа. Тот, кто убил её мать.

— Правда. — И в его голосе была не жалость, а тяжесть. Факт. — Я нашёл бумаги. Два месяца назад. Документы, списки, имена. «Аврамова Звезда». Капитан Аврам. Пассажирское судно. Сорок два погибших. Среди них — Жозеф-старший и Мария Дюваль. Мои родители.

— Зачем ты мне все это говоришь? — прошептала Рея. И в голосе был не вопрос, а мольба. Последняя. «Не говори. Не говори. Не ломай. Не надо».

— Потому что ты должна знать, потому что он не тот, кем

является. Потому что я... — Голос оборвался. Жозеф сжал челюсть. Посмотрел на Рею. Прямо в глаза. И в его взгляде было то, чего Рея не узнала: не любовь, не нежность, и даже не боль. Решение. Окончательное. Тяжесть, которая легла на него два месяца назад и которую он нёс и вот наконец поставил.

— Жозеф, — с мольбой в голосе произнесла девушка. — Жозеф, что ты делаешь?

— Я уже выбрал, — сказал Жозеф.

И толкнул.

Рейя не сразу поняла, что падает.

Не сразу, потому что не было боли. Не было удара. Был воздух, внезапный и холодный со всех сторон. Было небо, которое перевернулось. Луна, которая съехала вбок. Звёзды, которые провалились. И вода. Чёрная, холодная, тяжёлая. Она приняла ее как пасть. Закрылась, как дверь.

Холод пришёл сразу. Не постепенно, не по коже, а сразу в кости, в мясо. Во внутрь. Море обняло ее и сжало. Сжало так, что воздух вышел весь разом, пузырями, которые полетели вверх к поверхности, к луне и к жизни. А Рейя — вниз в темноту.

Ноги свела судорога, та, о которой говорил Аврам: «Вода топит. Не разговаривай с ней, как с другом». Судорога в икрах, в бёдрах. Ноги, которые плавали лучше всех мальчишек в порту, скрючились, согнулись, перестали слушаться. Рейя пыталась грести руками, ногами, всем телом, но тело не

поддавалось. Тело было не её. Она принадлежало морю.

Вода заполнила рот, нос, горло. Солёная, тяжёлая и безвоздушная. Девушка закашлялась, и вместо воздуха снова вода. Вода вместо дыхания. Вода вместо жизни.

И лицо. Над ней. Наверху. На поверхности. Жозеф. Лунный свет на лице — острое, скуластое, с тонкими губами. И усмешка. Не улыбка — усмешка. Та, которую Рея видела впервые. Не нежность, не любовь — торжество. Grimаса, которая говорила: «Я сделал. Я решил. *Я уже выбрал*».

И боль: от усмешки, от лица, от того, кто был всем, от того, кто был «мой», от того, кто целовал за маяком, на скалах, под звёздами, от того, кто теперь смотрел, как она тонет.

Мысли простые. Как крик. Как шёпот. Как последний вдох, которого нет.

«Зачем?..»

«Почему, Жозеф?..»

И темнота. Не та, что перед рассветом. Другая. Абсолютная. Глубокая. Без дна, без края, без света. Темнота, которая обняла крепче, чем Жозеф. Крепче, чем Аврам. Крепче, чем кто-либо. Темнота, которая сказала: «Ты моя».

И голос.

Из глубины. Из самой сердцевины. Тихий. Низкий. С вибрацией, которую Рея слышала не ушами, а костями. Каждый удар. Каждый звук. Как будто море говорило, и каждое слово было волной.

«Ты можешь умереть.»

Пауза. Тяжёлая. Бесконечная.

«Или можешь жить.»

Пауза.

«Но жизнь будет другой.»

Рея в темноте. Без тела, без воздуха, без боли. Только голос. И выбор. Не между жизнью и смертью, а между тем, что было, и тем, что будет. Между девочкой, которая верила, и тем, кем она станет.

Темнота. Голос. И ответ Реи. Не словом, но всем, что осталось. Всем, что было. Злостью, болью, любовью, ненавистью. Всем.

— Я хочу жить.

И море ее приняло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.